

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

О Ч Е Р К И
П О И С Т О Р И И
Р У С С К О Г О
В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1953

Академик И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ

ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ВОСТОЧНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»¹

Почти тридцать пять лет прошло с тех пор, как в «Русском Библиофиле» среди других документов было опубликовано письмо А. И. Тургенева В. А. Жуковскому², которое сыграло особую роль в истории изучения «Слова». Тургенев писал его из Москвы 28 марта 1837 г. в надежде, что Жуковский, который был занят разбором литературного наследия Пушкина, поможет ему напасть на след некоторых интересовавших его книг. В письме имелся, между прочим, следующая абзац: «Может быть найдется у Вас и «Песнь о полку Игореву», 4^о, в бумажке, с отметками карандашом Италинского. Я ссудил ею Пушкина для его издания этой песни. Пожалуста поищите. Пропадет, и никто не узнает, что рука единственного русского археолога объясняла певца древнейшего; да и объяснения — по восточным языкам — важны.

Я просил о сем кн. Одоевского и Краевского и повторю мою просьбу...».

Через десять лет М. А. Цявловский комментировал это письмо, оставшееся в публикации несколько немым в отдельных частях³. Разъясняя значение приведенного абзаца,

¹ Статья написана И. Ю. Крачковским незадолго до его кончины специально для этого издания. Он сопроводил эту статью нижеследующим примечанием: «Настоящая заметка представляет извлечение из большой статьи об А. Я. Италинском, подготовляемой мною в связи с историей наших восточных рукописных фондов. В ходе работы мне часто приходилось обращаться за содействием к нашим пушкинистам, искусствоведам, библиографам и архивистам; только их помощь позволяла мне разъяснять самые разнообразные, встававшие передо мною вопросы. Моя благодарность им, как и всегда, может быть отражена словами только в слабой степени».

² «Из старых бумаг (с подлинников)». «Русский Библиофил», 1916, № 4, стр. 34—35. (Подпись на стр. 38: «Сообщ. М. Гершензон»).

³ «Письмо А. И. Тургенева к В. А. Жуковскому». «Московский пушкинист». Статьи и материалы, под ред. М. Цявловского. М., 1927, стр. 27—32.

он писал: «Весьма ценимый современниками, как знаток искусства и археолог, Италинский, не печатавший своих трудов, для нас величина неизвестная, как неизвестна и судьба книги, о которой пишет Тургенев. В библиотеке Пушкина, когда она поступила в Пушкинский Дом, первого издания (гр. А. И. Мусина-Пушкина 1800 г.) «Слова», о котором говорит Тургенев, не оказалось»¹.

С той поры сведения об этом письме систематически привлекались, когда заходила речь об интересе Пушкина к «Слову»². Т. Г. Зенгер в 1935 г. высказала предположение, что «Тургенев, общавшийся с Пушкиным в декабре 1836 г., вероятно, тогда и передал поэту этот недошедший до нас документ»³. Он затерян, повидимому, безнадежно. Таков, по крайней мере, итог, подведенный М. А. Цявловским через десять лет после его комментария к письму⁴: «Не сохранилась еще одна любопытная книжка, которой «судил» Пушкина А. И. Тургенев. Это было издание «Слова» с отметками А. Я. Италинского, дипломата, бывшего в 1817—1827 гг. послом в Риме и занимавшегося археологией. Эрудицию Италинского очень высоко ценил Тургенев, называвший его «единственным русским археологом». Отметки эти, по словам Тургенева, заключали «объяснения по восточным языкам» и были «важны». Сороковые годы в этом направлении никаких открытий не принесли, и последний вывод М. А. Цявловского без изменений пришлось повторить в его статье, опубликованной посмертно Т. Г. Зенгер-Цявловской в 1949 г.⁵: нужно примириться с тем, что судьба книги, как говорит высокий авторитет наших крупнейших пушкинистов, «неизвестна».

Но едва ли следует примириться с тем, что сам А. Я. Италинский (1743—1827)— «для нас величина неизвестная». Действительно, в его биографии не мало загадочных моментов, а его фигура объединила настолько разнообразные сферы деятельности и сведения в настолько разнородных областях, что иногда пред этим приходится становиться втупик. Но Россия

¹ «Московский пушкинист». Статьи и материалы, под ред. М. Цявловского. М., 1927, стр. 32.

² См., например, Я. И. Ясинский. Работа Пушкина над лексикой «Слова о полку Игореве»; Пушкин. «Временник Пушкинской комиссии», т. VI, М.—Л., 1941, стр. 357.

³ «Рукою Пушкина». Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., «Academia», 1935, стр. 147.

⁴ «Пушкин и «Слово о полку Игореве». «Новый Мир», 1938, № 5, стр. 267.

⁵ М. А. Цявловский. Пушкин и «Слово о полку Игореве». «Вестник АН СССР», 1949, № 5, стр. 66.

XVIII—XIX вв. выдвинула много таких богато одаренных фигур, которые с достоинством и честью представляли ее на Западе. Попытка подойти ближе к выяснению отдельных, мало известных моментов, может быть, позволит высказать некоторые предположения о том, какого характера могли быть его «объяснения», которые Тургенев считал настолько важными, что препроводил их Пушкину.

Загадки встречаются нас почти с первых известий о ранних годах жизни А. Я. Италинского. Выходец из провинциальной среды украинского духовенства, он сперва двинулся по торной дороге для лиц такого происхождения — учился в Киевской Духовной академии, но едва ли кончил ее, ибо уже в 1761 г., восемнадцати лет, по словам историка русской медицины, «вступил учеником в Московский генеральный госпиталь»¹. Он учится в Англии, но степень доктора медицины получает в 1774 г., в университете в Лейдене, в Голландии. Заглавный лист его диссертации, где он величает себя «Russo-Transsulanus», еще раз напоминает нам о его родном селе Засулье «Лубенского полку».

Но и на медицине он не останавливается: меньше чем через семь лет, в 1781 г., этот киевский бурсак и лейденский доктор оказывается на дипломатическом посту секретаря русского посольства в Неаполе. Дипломатии он остается верен до конца дней своих, в течение сорока шести лет, «специализируясь», если можно так выразиться, только на двух странах — Турции и особенно Италии.

В последние годы жизни Италинского под его началом служил поэт К. Н. Батюшков, который оставил сердечную характеристику Италинского в одном из писем президенту Академии художеств А. Н. Оленину, в феврале 1819 г.: «Старец почтенный и добрый, уважаемый всеми. Он знает Италию, как «Отче наш»². Сложившаяся к этому времени слава Италинского, как знатока искусства и археологии, позволила Академии художеств поручать его попечению своих питомцев, посылаемых на долгие сроки в Италию. Повидимому, все они сохраняли о нем благодарное воспоминание. Особенно его заботливость отразилась в письмах из Италии пейзажиста С. Щедрина³. Его товарищ скульптор С. Гальберг вылепил бюст Италинского, который до сих пор считается одним из лучших

¹ Л. Ф. З мее в. Русские врачи-писатели. Вып. I, 1863, стр. 130.

² К. Н. Б а т ю ш к о в. Сочинения, т. III, СПб., 1886, стр. 541.

³ С и л ь в е с т р Щ е д р и н. Письма из Италии. М.—Л., «Академия», 1932. Указатель, стр. 399.

произведений скульптора и находится в Русском музее, в Ленинграде¹.

Очевидно, не только его высокий чиновный сан, но и авторитет в области науки и искусства позволили ему занять видное место в высших научных учреждениях России: он был избран почетным членом Академии Наук в 1819 г. (12 мая, в один день с М. М. Сперанским), почетным членом Российской Академии в 1821 г. и почетным членом Академии Художеств в 1822 г.

В последние годы Италинского вспомнили историки нашей дипломатии: в одной книге по истории Турции ему уделено значительное место². К сожалению, общая характеристика сводится главным образом к констатированию «неумеренной и довольно смешной претенциозности»³, основанием для чего отчасти служит отзыв небезызвестного А. Чарторьского. Однако отношение последнего к русским за вторую половину его жизни достаточно хорошо известно, и едва ли его ирония может противостоять мнениям Тургенева или Батюшкова. Деятельность Италинского при Ватикане в достаточно трудных иногда условиях, естественно, могла не нравиться Чарторьскому, но в русских специальных трудах дипломатические способности Италинского неоднократно получали высокую оценку⁴.

Русские востоковеды никогда не забывали Италинского, главным образом благодаря его замечательной коллекции восточных, особенно арабских рукописей, которая по его завещанию перешла в Учебное отделение Института восточных языков Министерства иностранных дел и в настоящее время находится в Институте востоковедения. Она приобрела себе известность в ученом мире еще при жизни собирателя. Главный фонд ее составил во время пребывания Италинского послом в Турции (1801—1806, 1812—1816), когда, по словам современников, «прибытие нового русского посла вдохнуло новую жизнь в общество Перы»⁵, а «благородное состязание образованных европейцев (в приобретении рукописей) шло на пользу восточным литературам»⁶. На этой почве у него завязалась дружба

¹ Е. Мроз. Самуил Иванович Гальберг. 1787—1839. М.—Л., «Искусство», 1948, стр. 9.

² А. Ф. Миллер. Мустафа Паша Байрактар. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947. Указатель, стр. 447.

³ Там же, стр. 13.

⁴ См., например, Д. А. Толстой. Римский католицизм в России. СПб., 1877, т. II, стр. 174—175.

⁵ J. von Hammer-Purgstall. Erinnerungen aus meinem Leben. Wien, 1940, стр. 139.

⁶ Там же, стр. 146.

с молодым тогда австрийским дипломатом-ориенталистом Хаммером¹. А позже, когда Италинский был уже опять в Риме, Хаммер подготовил статью с общей характеристикой собрания Италинского. Она появилась уже через год после смерти владельца². Очень показательно, что, собираясь посвятить серию очерков основным собраниям восточных рукописей в Италии, Хаммер вслед за Ватиканским перешел непосредственно к собранию Италинского, так как, по его словам, оно по своему значению превосходит не только собрание Барберини, но и Ватиканское. Статья Хаммера, как и большинство работ этого ориенталиста, очень поверхностна и мало показательна, но его суждение об исключительной важности коллекции было подтверждено образцовыми каталогами Розена³, которые ввели в обиход науки много выдающихся по своему значению «перлов», и до сих пор служащих непревзойденным украшением наших собраний.

Италинский составлял свою коллекцию с большим знанием предмета и умел в нужных случаях ею пользоваться. Как неоднократно подчеркивается в его биографиях, он не принадлежал к лицам, склонным выступать в печати, и кроме его докторской диссертации, естественно узкоспециальной, и большой работы по этрусским вазам, в четырех томах, опубликованной в Неаполе, в 1791—1804 гг., известно лишь несколько мелких статей востоковедного содержания, помещенных в международном органе, одним из основателей которого явился Хаммер. Первой из них является издание надгробной надписи 569/1174 некоей Маймуны, — надписи, сохранившейся в музее Лавалетты на Мальте⁴. Италинский не побоялся подойти к этому очень сложному памятнику эпиграфики, который завершается поэтическим текстом, и дал его первую расшифровку, точно установившую имя и дату. Надпись стала в науке одним из наиболее популярных памятников этой категории, вызвавшим громадную литературу, конечно значительно продвинувшую и дешифровку и общую его оценку⁵. К сожалению, в последнем своде о ней забыт приоритет Италинского⁶, равно как

¹ Там же, стр. 133.

² Giuseppe de Hammer. Lettere sui manoscritti orientali e particolarmente arabiche si trovano nelle diverse biblioteche d'Italia. Lettera IV. Biblioteca Italiana, anno tredicesimo, т. 49, 1828, стр. 15—22.

³ Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales, т. 1. St.-P., 1877; т. III, St.-P., 1886.

⁴ Mines de l'Orient, т. I, 1809, стр. 393—397.

⁵ См. «Советское востоковедение», т. VI, 1949, стр. 277.

⁶ Répertoire chronologique d'épigraphie arabe, т. IX, Le Caire, 1937, стр. 73—74, № 3306.

не выделена важная роль в изучении его другого нашего учебного Френа (1818), хотя обе работы были опубликованы на «доступных» западным ученым языках — итальянском и латинском.

В других своих статьях, помещенных в том же издании, Италинский касается самых разнообразных сюжетов, обнаруживая широту своего научного кругозора. Он разбирает замечания алеппского митрополита Германа Адама¹ по поводу подделок арабских рукописей аббатом Велла, причем поддерживает замечания ссылкой на одну из рукописей своего собрания². На основе другой рукописи он указывает на неудовлетворительность списка, использованного Френом в его первой арабистической работе (1804), посвященной описанию Египта у одного арабского географа³. Он же впервые обращает внимание на грамоту халифа Омара христианам⁴, которая со временем приобретает большую популярность, вплоть до окончательного установления ее подложности уже в XX в. в капитальной работе Н. А. Медникова⁵.

Темы и характер статей показывают, что Италинский основательно знал арабский язык. Из других источников нам известно, что он занимался не им одним. Еще в 1797 г. он пишет князю Воронцову⁶ о своих занятиях арабским, еврейским, сирийским, халдейским, персидским, армянским, а в другом письме просит прислать лексикон санскритского языка⁷, едва начинавшего тогда входить в моду. Эти даты позволяют думать, что Хаммер едва ли прав, когда предполагает, что лишь приезд в Константинополь дал Италинскому толчок к изучению арабского языка и он не побоялся приняться за него в возрасте 60 лет⁸. К 1815 г. его хорошо знают в кругах специалистов: Ф. Аделунг упоминает его среди русских ученых, известных востоковедными штудиями, и добавляет, что теперь он занят «сравнением восточных языков»⁹.

¹ О нем см. мою статью в «Восточном сборнике» Гос. публичн. библиотеки, т. I, 1926, стр. 5—12.

² Mines de l'Orient, т. I, 1809, стр. 236—247.

³ Там же, стр. 218.

⁴ Ук. соч., т. V, 1816, стр. 67—69.

⁵ Н. А. Медников. Палестина от ее завоевания арабами до крестовых походов. Исследование, т. I. СПб., 1903, стр. 529—613.

⁶ Архив князя Воронцова. Книга XX. М., 1881, стр. 278. Ср. А. Ф. Миллер. Ук. соч., стр. 13.

⁷ Архив князя Воронцова. Книга XX, стр. 133.

⁸ Hammer-Purgstall. Ук. соч., стр. 133.

⁹ Fr. Adelung. Catharinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. St.-P., 1815, стр. 203.

Научности этих сравнений мы не должны, конечно, преувеличивать: это был «до-гумбольдовский» период в языкознании, когда основные вопросы сравнения решались примитивно, как и в известном сравнительном словаре всех языков мира, изданном при Екатерине. Италинский в этой области был таким же дилетантом, как и большинство его современников. Когда в том же письме к Воронцову мы читаем, что изучение древних восточных языков привело его к открытию, будто «весь наш язык не иное что есть, как смесь из упомянутых языков состоящая» и что «славяне и россияне населяли в глубокой древности Месопотамию»¹, то теперь это может вызвать только улыбку, но аналогичные мысли никого не удивляли в течение всего XVIII в. Похожие примеры и в общих суждениях и в детальных этимологиях нетрудно было бы найти в трудах наших историков и филологов того же времени; Италинский отражал лишь обычную среду еще не оформившейся научно лингвистики.

По аналогии можно предполагать, что его «объяснения» о восточных элементах «Слова» теперь едва ли представили бы какой-либо интерес, кроме исторического. Показательно, что среди языков, которые он изучал, Италинский не называет турецкого. Научной тюркологии в то время еще не существовало, а между тем история изучения «Слова» обнаружила, что только с ее развитием анализ восточных элементов мог стать на твердую почву. В его время еще не был открыт знаменитый «Codex Somanicus» — половецкий или кыпчацкий словарь, который осветил в этой области широкие перспективы. Должно было пройти больше ста лет со времени открытия «Слова», чтобы трудами наших ориенталистов-тюркологов, главным образом Ф. Е. Корша и П. М. Мелиоранского, а в новое время В. А. Гордлевского и С. Е. Малова, этот вопрос мог быть поставлен во весь рост.

К русским исследователям постепенно стали присоединяться и западные: на наших глазах польский тюрколог Зайончковский своими работами занял солидное место среди ученых, работающих над восточными элементами «Слова». Во времена Италинского для серьезного анализа этих вопросов еще не было средств, но нельзя забывать, что он был все же одним из первых, а может быть и первым русским ученым, который оценил важность задачи.

Письмо Тургенева позволяет нам предположить, что замечания Италинского по своему «оформлению» носили такой же

¹ Архив князя Воронцова. Книга XX, стр. 278. Ср. А. Ф. Миллер. Ук. соч., стр. 13.

характер, как и большинство его работ, не появившихся в печати. Современники, близко знавшие Италинского в последние годы жизни, говорят, что библиотека его была громадна и заключала до тридцати тысяч томов; большинство книг было испещрено его рукописными заметками; отражавшими не только внимательное чтение, но часто и систематическое изучение затронутых в них вопросов¹. Очевидно, такого типа и был экземпляр «Слова», переданный Пушкину. Каким образом он попал к Тургеневу, об этом можно только гадать. Как видно из письма, он хорошо знал Италинского и лично; в связи с каким-либо разговором тот мог передать книгу непосредственно. Она могла быть приобретена и на аукционе, распылившем библиотеку Италинского после его смерти².

Как бы то ни было, это письмо сохранило любопытную черточку для характеристики широких интересов «старца почтенного и доброго, уважаемого всеми». Италинский имеет право на упоминание в богатой истории изучения «Слова о полку Игореве», а еще больше должны его помнить востоковеды, многие поколения которых в научных изысканиях питались и будут питаться собранными им сокровищами восточных рукописей. Достояна памяти и вся оригинальная фигура этого украинского семинариста, доктора медицины Лейденского университета, дипломата в Италии и Турции, «единственного русского археолога» своего времени, арабиста с широкими интересами, качеством своей коллекции затмившего вековые собрания Рима.

¹ См., в особенности, анонимный некролог (за подписью — М.) в «Morgenblatt für gebildete Stände», № 168, 14 июля 1827, стр. 671: «Seine Bücher enthalten beinahe alle Randglossen von vielfachem Werthe, besonders für Verwandtschaft der Sprachen, welche er als die lebende und innere Geschichte jedes Volksstammes ansah».

² Некоторая часть ее (всего 667 томов) попала в нашу Публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина в 1829 г.